ЖИЗНЬ ЗОВЕТ ВПЕРЕД

Театральное обозрение

До конца театрального сезона еще далеко, и преждевременно делать сейчас даже предварительные выводы о его итогах. И все же, вспоминая уже показанные спектакли, все более утверждаешься в мысли, что нынешний сезон будет отмечен как интересная, яркая и во многом обнадеживающая страница в жизни нашего театра. Театральная критика — не вся, конечно,— была в плену предвзятых, ложных представлений. Она сокрушенно замечала при случае, что на нашем театральном искусстве лежит отпечаток унылого однообразия, что без Мейерхольда и Таирова оно потеряло всякий интерес, что все театры у нас на одно лицо и трудно их отличить друг от друга. А в это время жизнь шла вперед, зрители делили свои симпатии между разными театрами, на сцене появлялись новые таланты, все интереснее становились творческие поиски актеров и режиссеров, и все чаще и чаще театральные кассиры вывешивали у своих окошечек аншлаги «На сегодня все билеты проданы».

Для того, чтобы брюзжать, не нужно ни ума, ни таланта. И жизнь посмеялась над теми недалекими критиками, которые не очень-то жаловали ее своим вниманием и просмотрели то новое, что в ней рождалось. Это новое в полном голосе заявило о себе на фестивале драматических театров страны. Праздничный смотр театрального творчества заявил о богатейших художественных возможностях наших театров. Социалистическая действительность открывает перед ними и величайшее многообразие волнующих тем, и богатейшее многообразие творческих решений.

Вот, например, тема деревни, тема земли поднятой целины, которой посвящено это обозрение. Она привлекла внимание многих театральных коллективов, и каждый из них нашел в этой теме нечто свое, и спектакли у них получились разные. Даже по внешнему виду в них нет ничего общего.

Какие вольные степные просторы открыт художник Н Шифрин на сцене Центрального театра Советской Армии! Героям шолоховской «Поднятой целины» свободно дышалось тут, им было о чем поговорить и подумать, когда шли они то по заснеженным, то по весенним дорогам Гремячего Лога. Фигура актера не затерялась на огромной пустынной сцене. Художник счастливо нашел удивительно верные соотношения в использовании сценического пространства, и это помогло ему поэтически выразить близость между человеком и родной ему, бесконечно дорогой землей.

И вот та же родная земля в спектакле «Дали неоглядные...», поставленном Театром имени Моссовета Художник А Васильев использует иные выразительные средства. Отказавшись от внешнего, иллюстративного правдоподобия, он прибегает к очень ясной и лаконичной художественной условности, которая создает достоверную жизненную атмосферу сценического действия. И пожалуй, напрасно эту и без того выразительную условность художник приукрашивает цветными кинокадрами.

Поиски внешней иллюзорности жизненной обстановки не увлекли и Л. Тышлера, принявшего участие в постановке драматической поэмы М Светлова «С новым счастьем!», показанной Театром имени Ермоловой. Только на этот раз условные декорации далеки от взволнованной романтической устремленности пьесы. Поэтичность светловской поэмы осталась не раскрытой, не прочувствованной художником. С некоторыми эпизодами спектакля можно еще было бы, пожалуй, примириться на самодеятельной клубной сцене, но к тому, что видишь на сцене столичного театра, да еще с хорошими художественными традициями, подходишь со значительно большей взыскательностью и требовательностью. Где-где, а уж в столичном театре каждый спектакль должны отличать прежде всего высокий художественный вкус, великолепное чувство художественной формы.

Какими бы ни были издержки творческих поисков, важно все же отметить главное. Театральные художники не стоят на месте, они знают, насколько губительно пристрастие к внешней иллюстративности. И чем смелее будут они в своих поисках образного, действительно художественного воссоздания на сцене жизненной обстановки, тем ощутимее будет их помощь театру в его движении вперед.

Думается, что участникам постановки «Поднятой целины», кроме режиссера, многое подсказал еще своим оформлением художник Н Шифрин. Вряд ли актеру Д Сагалу безразлично было, в какой жизненной среде придется действовать его Давыдову. Широта самобытного характера шолоховского героя, его горячий темперамент, его здоровое, поэтическое мироощущение, его сила проявились в актерском исполнении легко и свободно, с хорошим ощущением жизненной правды. Это верное ощущение правды характера выражено и в роли Макара Нагульнова Актером Б Петелиным очень верно угаданы и внешний облик, и беспокойная натура этого горячего и непреклонного, прямого и неукротимого человека, для которого в жизни нет ничего дороже и важнее интересов революции, дела партии.

Так большая правда времени, правда тех незабываемых дней, когда партия поднимала миллионы крестьян на великое историческое дело коллективизации мелких, разрозненных единоличных хозяйств тысяч и тысяч станиц, сел и деревень, оживает в лучших образах спектакля. И есть роли, в которых эта близость утрачивается, и тогда художественная правда подменяется внешним правдоподобием. Все как будто хорошо у В Ратомского в роли Щукаря. Но не очень ли удовлетворен актер решением малых творческих задач? Он ограничивается внешними приемами, довольствуется внешней характерностью, в чем-то, может быть, и выигрышной, но никак не раскрывающей всех глубин жизненного содержания образа.

Постановка «Поднятой целины» была задумана режиссером А Поповым. Уже по тому, как решал он вместе с художником образ спектакля, можно было ожидать, что театр покажет интересную и значительную работу. Случилось, однако, так, что болезнь не дала ему возможности выйти на сцену и довести до конца осуществление своего замысла. (Всю работу пришлось завершать режиссеру А Шатрину) И сейчас в спектакле чувствуются мысль и темперамент большого и талантливого мастера советской режиссуры, его умение строить последовательно развивающееся сценическое действие, массовые сцены, полные бурного кипения жизни. Но сколько бы он еще мог дать спектаклю! Сумел бы он, надо думать, преодолеть и очевидные слабости далеко не совершенной инсценировки Т Лондона.

«Поднятая целина» еще не дописана М Шолоховым, и поэтому трудно ее инсценировать. Театр нашел неожиданный и сценически оправданный выход из положения. Спектакль заканчивает актер Д Сагал, которого только что видел зритель в роли Давыдова. Перед ним расступаются еще не ушедшие со сцены действующие лица романа, и он проходит вперед с поднятой книгой «Поднятой целины». Он говорит о том, что книга эта еще не закончена и еще предстоит встречи с ее героями.

Да, жизнь продолжается. Каждое новое поколение вписывает в ее книгу свои волнующие страницы, передает дальше и дальше эстафету великих свершений. С годами не остывает пафос героических дел, он согревает сердца нынешнего молодого поколения, делом доблести и героизма которого тоже стала уже иная, поднятая целина. Героям этой целины, комсомольцам пятидесятых годов, посвящена пьеса М Светлова «С новым счастьем!». Поэт-драматург и здесь остается верен своей излюбленной теме — теме связи поколений, преемственности революционных традиций. Он издалека, с 1919 года, начинает пьесу, обращенную к нашим дням. Не для себя бережет поэт-романтик светлые и дорогие воспоминания о сверстниках своей уже далекой комсомольской юности. Ему хочется сказать в полный голос о том, что революционный пыл первого поколения комсомольцев не угас и, как прежде, верность партии чудесные мечты романтика подвига окрыляют юных сынов Отчизны. «В будущее, в будущее, тот, кто смел, всем нам на роду еще много дел!» — распевают ребята, отправляющиеся на Алтай. Но разве не слышатся в этих словах отзвуки песен былых комсомольцев, и разве не будут очи близки молодежи шестидесятых годов?

Зрителю, видевшему спектакль «С новым счастьем!», все это покажется, пожалуй, разговором не по существу. И не удивительно! Театр по-своему прочел пьесу и не настроил спектакль на героико-романтический лад. Ему почему-то показалась ненужной первая картина пьесы, представляющая собой поэтическое воспоминание о юности девятнадцатого года, дающая ключ к решению всего спектакля. И поэтому, когда среди героев пьесы появляются уже поседевшие, прошедшие большой жизненный путь действующие лица первой картины, на сцене ничего в сущности не происходит. Идея встречи поколений на новом фронте социалистического строительства осталась сценически нереализованной. Романтика пьесы обернулась в спектакле не очень-то ярким прозой, приукрашенной кое-где откровенной развлекательностью.

Своеобразие индивидуального почерка драматурга требовало и своеобразия сценического воплощения пьесы. Но свежести мысли и формы не чувствуется, однако, в спектакле невысокой режиссерской культуры, который поставлен С Гушанским. И все это неизбежно сказалось на актерском исполнении. Каким бы добрым словом ни оценить благородное, умное и сдержанное исполнение своей роли В Якутом, как бы положительно ни отзываться о В Лекареве или Ф Ковтине, С Павловом или Г Вицине,— все же спектакля, достойного талантливого коллектива ермоловцев, не получилось.

Дело, думается, не только в том, что режиссура не почувствовала своеобразия пьесы, ее романтической атмосферы. Это еще полбеды. Дело в значительно большем — в том, что она не почувствовала по-настоящему дыхания жизни, великого смысла того патриотического движения, которое увлекло тысячи молодых людей в просторы алтайских и казахстанских земель, где познали они вдохновляющую и романтическую красоту трудового подвига.

Волнующую и притягательную силу сценического искусства дано почувствовать зрителю в полную меру, когда свежий ветер современности властно врывается под своды театра. Это бодрое ощущение подлинной сегодняшней действительности рождается на спектакле «Дали неоглядные» в Театре имени Моссовета. На сцене как будто ничего исключительного, выдающегося не происходит. Зритель видит будни колхоза, разрастающегося колхоза, знакомится с людьми, которые чуть ли не разуверились в своих силах, в том, что когда-нибудь можно будет избавиться от пьянчужек, разбазаривающих колхозное добро, следит за тем, как постепенно поправляется дело и в этих же самых людях пробуждается энергия, они начинают чувствовать себя хозяевами положения, их все больше и больше захватывает труд во имя общего блага.

Все это самые обыденные будни. Но, показывая эту повседневность, драматург и театр раскрывают в нашей действительности поэтическое, скрытую в ней красоту, выражают глубокую, оптимистическую веру в человека. В этом и заключены обаяние и свежесть спектакля, поставленного Ю Завадским.

Весьма примечательно, что драму «Дали неоглядные» написал Н Вирта, который в недавние годы был одним из самых горячих сторонников бесконфликтного отображения действительности. В ту пору его пьесы не приносили особой радости ни театру, ни зрителю. А теперь, отказавшись от слащавого, идиллического жизнеописания, драматург нащупал для себя верный путь, ведущий к жизненной правде. И жать, что он несколько поторопился принести свою пьесу в театр. Она еще требовала на некоторое время усидчивого труда писателя.

В спектакле «Дали неоглядные» одним из основных действующих лиц становится Автор. Прием этот сам по себе уже не нов. Новое здесь в назначении этой роли. Появляющийся на сцене Автор не просто вмешивается в сценическое действие. Раздумывая обо всем происходящем вокруг, он втягивает и зрителя в эти раздумья. Это расширяет горизонты спектакля, вносит в него дыхание большой жизни страны.

Простота и непосредственность, мягкий юмор и, самое главное, интересная жизни отличают исполнение роли Автора артистом Р. Плятом. Эта же заинтересованность жизнью проявляется и в исполнении других ролей. Много жизненного в судьбе Матвея Хижнякова, идущего навстречу большим и трудным делам (артист А Дубов). Правдива и жизненна повесть о судьбе Анны Рябитиной, сдержанно и строго, с большим внутренним волнением рассказанная В Марецкой. Запомнится зрителю удивительно правдивый, живописно выписанный портрет Ньюты Стрешнева, прозванного Отрицателем, вечное критиканство которого скрывает мучающую его боль за колхоз (артист Б Новиков). Типичен портрет и незадачливого колхозного руководителя Силы Кузьмича Степкина (артист Н Парфенов). Обаянием беспокойной и пытливой молодости вызывает симпатии умная Настя (артистка Т Чернова).

Вот три спектакля идущие сейчас на столичной сцене и объединенные общей темой жизни тружеников деревни. Есть в них и просчеты, и промахи, и несовершенства. И все же вместе с другими новыми постановками нынешнего сезона они рождают лучшие надежды. Жизнь зовет наши театры вперед, открывает перед ними чудесные перспективы.

Н АВАЛКИН.

„ПРАВДА" г. МОСКВА 7 ФЕВ 1959